

Глава 14

Гун Чэнь на мгновение перестал дышать.

Ему даже не нужно было опускать взгляд — в сознании с пугающей отчетливостью вспыхнула живая картина: слишком широкие алые рукава соскользнули, обнажая предплечье Сюй Цыаня, подтянутое и крепкое от многолетних тренировок с мечом. Там, у самого запястья, под тонкой кожей, перекачивался кадык Гун Чэня, слегка вдавливая нежную плоть...

Шисюн сказал, что тот давит на него.

Гун Чэня словно жаром обдало с головы до ног. Не успел он опомниться, как из носа хлынула теплая струйка. Он тут же запрокинул голову, напрягая шею, но было поздно: яркая кровь уже потекла по губам и подбородку.

Кап. Кап.

Кровь закапала вниз. В комнате на мгновение воцарилась тишина.

Сюй Цыань поднял руку, показывая ее шиши. На белой коже запястья алели два брызнувших пятнышка — вызывающе яркие, режущие глаз.

— И это всё, на что ты способен? — негромко проговорил он.

Гун Чэнь зажмурился. Стыдливый румянец дополз до самых кончиков ушей.

Кап.

Ещё одна капля сорвалась прямо на ладонь Сюй Цыаню. Тот рассеянно потер пальцы. На кончиках его пальцев слабо вспыхнул и тут же угас огонек духовной силы — кровь лишь размазалась по ладони, но не исчезла. Он тихо вздохнул:

— Ты хоть технику очищения тела знаешь? Если нет, я могу прямо сейчас научить...

Последнее слово застряло у него в горле.

Что-то влажное и теплое прикоснулось к запястью, слизывая кровь... Сюй Цыань судорожно выдохнул — это был язык.

Ну и наглец.

Сюй Цыань невольно попытался сжать кулак, но его пальцы тут же перехватили и бережно, один за другим, разогнули, заставляя раскрыть ладонь.

Гун Чэнь облизал губы, точно безумец, жаждущий новой дозы. Оторвавшись от запястья Сюй Цыаня лишь на миг, он снова прильнул к его ладони, утыкаясь лицом в мягкую теплую плоть. Гун Чэнь стер остатки крови со своего лица о его ладонь, а затем принялся медленно, дюйм за дюймом, вылизывать ее, оставляя влажный, блестящий след.

— Хватит, — хрипло выдохнул Сюй Цыань, пытаясь оттолкнуть его, но случайно наткнулся на что-то твердое и вздрогнул от неловкости.

Гун Чэнь склонил голову набок. Кончик его языка скользнул по коренным зубам, на губах заиграла ленивая усмешка. В следующее мгновение он приоткрыл рот и целиком втянул испачканный в крови безымянный палец Сюй Цыаня.

Сюй Цыань застыл.

Он резко выдернул руку. Раздался негромкий, влажный хлопок, от которого лицо Сюй Цыаня вспыхнуло пунцовым пожаром. Разозлившись до предела, он вlepил Гун Чэню звонкую пощечину.

От этого удара его порозовевшая ладонь снова испачкалась в крови. При виде этого зрелища кадык Гун Чэня судорожно дернулся.

— Да когда это кончится! — яростно прикрикнул Сюй Цыань. — Какая мерзость! Еще раз лизнешь — я тебе язык вырву!

Гун Чэнь тихо, глухо рассмеялся. Про себя он твердо решил: отныне каждый раз, когда Сюй Цыань станет дразнить его — намеренно или случайно, — он будет возвращать должок сполна, да еще и с процентами.

В конце концов, если Сюй Цыаню стыдно, то самому Гун Чэню уже не до смущения. Он свое урвал, а значит, жаловаться не на что.

Напоследок он мягко прижался губами к запястью Сюй Цыаня. Вокруг его пальцев затеплилось мягкое свечение — и в то же мгновение с рук Сюй Цыаня исчезли и пятна крови, и следы слюны, а лицо самого Гун Чэня снова стало чистым.

Сюй Цыань опешил на секунду, а затем, сжав ладонь в кулак, в бешенстве обрушил его на шиши:

— Так ты умел пользоваться заклинанием очищения тела?! Умел?! Да у тебя с головой все в порядке?! Почему сразу не воспользовался?!

Гун Чэнь безропотно сносил удары и ругань. Ему даже казалось, что кулаки Сюй Цыаня бьют на удивление мягко, а яростный голос звучит сладко, как музыка.

"Плохо дело, — пронеслось у него в мыслях, — ох как плохо. Чертовски коварное благовоение страсти... Если так пойдет и дальше, я снова наброшусь на него!"

Поэтому он поспешно закинул беснующегося шисюна себе на спину и со всех ног припустил к Третьему дворцу. Из-за дверей здания доносился отчаянный, полный скорби и рыданий плач.

— Ли Наньюань, безжалостная ты женщина!

— Этот князь мертв уже столько лет, а ты ни разу не соизволила навестить меня! И вот, едва твой сынок попал в беду, ты тут же спустилась в этот мир! Как мне это прикажешь понимать?!

— Неужели наша дружба с малых лет не стоит и половины твоей материнской любви?!

— Довольно паясничать, — раздался холодный голос Ли Наньюань. — Тех, с кем я росла, пруд пруди. На улице Хунтан в те годы каждый первый попрошайка был моим приятелем. Мне что теперь, каждого навещать?

— К тому же, ты здесь обзавелся целым гаремом из жен и наложниц. Разве плохо устроился?

— Хорошо?! Да ни черта хорошего! — взвыл князь Яоцзэ, отбросив в сторону всякое высокомерие и перейдя на обычный плач. — Когда я только очутился здесь, вокруг кишели враги! Они измывались надо мной изо дня в день: то на поводке водили, как шелудивого пса, то в кипящее масло бросали! Ты и представить не можешь, как мне было солоно! Но тебе ведь плевать! Ли Наньюань, до чего же ты бессердечная, хоть бы раз проведала!

— Ладно, теперь я всё знаю, — Ли Наньюань с сухим хрустом вывернула и оторвала его призрачную руку. Слегка склонив голову набок, она спросила: — Хочешь добавить что-нибудь еще?

Заливаясь слезами и соплями, Яоцзэ-ван пролепетал с глубоким чувством:

— Наньюань, я ведь и правда люблю тебя...

— Угу, — Ли Наньюань небрежно подбросила оторванную руку призрака и изогнула бровь. — А кроме этого?

— Я хочу взять тебя в же... — Договорить он не успел.

Усмехнувшись, Ли Наньюань с силой запихнула оторванную конечность прямо ему в рот:

— Раз ты высказался, теперь послушай меня.

"Какая гадость! Фу, до чего же мерзко!"

Князь Яоцзэ согнулся пополам, уперся ладонью в пол и широко разинул рот, заходясь в судорожных позывах:

— Кхэ-э-э! Ох-х!.. О-о-у-у-у!..

Гун Чэнь, пересилив себя, толкнул дверь и вошел. В этот самый момент Ли Наньюань, ледяным тоном произнесла: "У меня только один сын, и ты посмел поднять на него руку?" — наступила на князя Яоцзэ, вбивая его в каменный пол.

Каменные плиты мгновенно пошли глубокими трещинами, которые разбежались по всему залу и замерли у самого порога, прямо перед сапогами Гун Чэня.

Гун Чэнь безмолвно застыл.

— Явились? — Ли Наньюань убрала ногу и одарила равнодушным взглядом Гун Чэня и висевшего у него на спине Сюй Цыаня.

Точно так же она смотрела на него тогда, когда пинком отправила лететь прямо в скалу Тысячи Цзиней. От этого воспоминания Гун Чэня невольно бросило в дрожь.

Гун Чэнь полагал, что за прошедшие годы сильно изменился. В тот год, когда его с позором выставили из Небес Пурпурной Кости, в его теле словно открылись все заблокированные каналы — за считанные дни его духовные силы и уровень совершенствования взлетели до небес. Он перестал быть тем жалким вторым учеником Ли Наньюань, которому в Небесах Пурпурной Кости каждый плевал в спину и над которым потешались все кому не лень. Постепенно он превратился в признанного гения, которого семья Дуань лелеяла и носила на руках.

Но когда-то он до смерти боялся Ли Наньюань. И дело было не только в её сокрушительной силе, способной одним ударом покалечить его. Куда страшнее было то, что последовало за этим: целый месяц, пока он истекал кровью, никто не заступился за него, никто не посмел сказать и слова в его защиту.

Лежа на ложе и пытаясь исцелить изломанное тело, он порой думал: будь его родители живы, пусть даже они не владели бы столь великим могуществом, они ни за что не оставили бы своего сына на растерзание.

Увы, родителей у него не осталось.

А без них некому прикрыть спину. Когда за тобой никто не стоит, тебе суждено безропотно сносить любые обиды. И терпеть эту несправедливость ему, похоже, суждено было всю оставшуюся жизнь.

Впоследствии он часто утешал себя мыслью, что остался жив — и то благо. Но радости от этого спасения он не испытывал. Именно Ли Наньюань впервые заставила его осознать собственное ничтожество и абсолютное одиночество в этом мире.

Он надеялся, что этот липкий страх со временем исчезнет, сотрется по мере того, как он сам будет становиться сильнее. Однако тот засел глубоко в душе, точно клеймо, выжженное раскаленным железом.

Скрыв бурю в душе, Гун Чэнь бережно опустил Сюй Цыаня на пол, а сам медленно опустился на колени перед Ли Наньюань.

Пусть его и изгнали из ордена, официально Ли Наньюань так и не разорвала узы наставничества. Она была одной из немногих в те годы, кто не стал добивать его, когда он лежал на самом дне.

"Учитель..."

— мысленно позвал Гун Чэнь, низко склоняя голову.

От его тела веяло могильным холодом Царства призраков. Он не был живым, но и не умер до конца — жалкое существо, застрявшее между мирами. Ему было невыразимо стыдно предстать перед ней в таком виде.

Ли Наньюань собиралась подойти напрямик к сыну, но, заметив преклонившего колени Гун Чэня, замерла. Её взор задержался на нем. С тех пор как они виделись в последний раз, прошло долгих пять лет.

Она медленно занесла руку.

"Началось, — Гун Чэнь мгновенно напрягся, боясь, что сейчас от сильного удара у него посыплются зубы."

Однако ладонь застыла над его макушкой.

— Выпрямись, — приказала Ли Наньюань.

Стиснув зубы, Гун Чэнь расправил плечи и выпрямил спину. Нависшая над ним рука поднялась следом.

— Да, — взгляд Ли Наньюань слегка смягчился. — Подрос.

Взмахом широкого рукава она заставила круглую лазурную пилюлю воспарить перед лицом Гун Чэня.

— Это снадобье поможет восстановить твою плоть. Прими его.

Гун Чэнь растерянно замер, а затем бережно принял лекарство обеими руками.

Его не станут бить? Но ведь когда они только переступили порог, во взгляде Ли Наньюань отчетливо сквозила ярость. Если гнев предназначался не ему, то...

Вдруг раздался глухой, тяжелый удар.

Гун Чэнь резко повернул голову и застыл: Сюй Цыань покачнулся, его лицо было неестественно повернуто в сторону от сокрушительной оплеухи.

Его зрачки сузились, он рванулся было с колен, но Сюй Цыань медленно повернул голову обратно. Смахнув тыльной стороной ладони струйку крови, побежавшую из уголка губ, он ровным, непреклонным тоном приказал:

— Не подходи. Закрой глаза.

Гун Чэня словно пригвоздило к полу, веки безвольно опустились. Он не понимал — совершенно не мог взять в толк, за что Ли Наньюань так обходится с собственным сыном...

Бах!

Опять глухой звук удара о живую плоть.

Сердце Гун Чэня пропустило удар. Все в Поднебесной знали, что Ли Наньюань владеет смертоносным белоснежным клинком, но мало кто помнил, что славу ей принесли вовсе не мечи, а её безжалостная, сокрушительная техника ударов ногами.

Гун Чэнь даже боялся представить, какой силы был этот пинок...

— Ты хоть понимаешь, что натворил? — Голос Ли Наньюань дышал ледяной стужей.

Сюй Цыань скорчился на полу. Его лицо сделалось бледнее мела. Судя по всему, у него было сломано несколько ребер — каждый вдох давался ему с величайшим трудом.

— ... Понимаю.

— Осознал ли ты свою вину?

В ответ раздалось лишь тяжелое, свистящее дыхание.

— Как бы я хотела повернуть время вспять, — Ли Наньюань сделала глубокий вдох. — Не стоило поручать тебе сжигать те запретные свитки. Ладно бы ты просто втайне выучил пару техник... но сотворить такое... Ты окончательно лишился рассудка.

Немного отдышавшись, Сюй Цыань слабо улыбнулся:

— А я вот... безмерно рад...

— Хм, — Ли Наньюань злобно усмехнулась и снова занесла ногу для удара, не выказывая ни капли жалости.

Однако на этот раз удар пришелся не по Сюй Цыаню. Из ниоткуда выскочил Гун Чэнь, заслонив его своим телом. Как только духовные пути, сдерживавшие его, ослабли из-за изнеможения Сюй Цыаня, он распахнул глаза. Увидев истекающего кровью шисюна, Гун Чэнь почувствовал, как кровь стынет в жилах. Тело сработало само, подчиняясь чистому инстинкту — закрыть, защитить любой ценой.

— Гун Чэнь! — Сюй Цыань из последних сил подхватил его, его голос дрожал от гнева и тревоги. — Кто велел тебе лезть под удар?! Что ты творишь?!

Гун Чэнь, крепко стиснув зубы, без лишних слов обхватил пальцами подбородок Сюй Цыаня, намереваясь силой впихнуть ему в рот ту самую лазурную пилюлю.

Ли Наньюань резко вскрикнула:

— Стой! Не смей!

Гун Чэнь замер на долю секунды.

Тут же сверкнула ослепительная вспышка духовной энергии, которая в мгновение ока разнесла пилюлю в пыль.

Раздалось яростное шипение.

В клубах сизого дыма Гун Чэнь увидел, как извивается крошечная иссиня-черная змейка. Сгорая в лучах очищающего света, она скорчилась и бесследно растаяла вместе с гарью.

Гун Чэнь молчал.

Его лицо, искаженное изумлением, медленно разгладилось, становясь пугающе безразличным.

Это было вовсе не лекарство. Под сладкой глазурью скрывался смертоносный яд. Если он не ошибался, внутри пилюли дремала водяная кожеедная змея — тварь, которую использовали для уничтожения восставших мертвецов. Проникая в труп, она заживо растворяла плоть, превращая мышцы и кости в гнилую жижу, пока от несчастного не оставалась лишь пустая высушенная кожа. И только тогда сытая змея выползала наружу.

Не принял пилюлю сразу не потому, что заподозрил неладное. Ему просто казалось, что он недостойн тратить столь ценное снадобье.

Кто бы мог подумать...

Гун Чэнь внезапно согнулся и зашелся в мучительном кашле — только сейчас до него докатилась жгучая боль от пропущенного удара Ли Наньюань.

Опять. Всё повторяется.

Он кашлял так тяжело, словно пытался выплюнуть собственные внутренности. Снова, подобно неодолимому бедствию, его захлестнуло то самое чувство удушающего бессилия и тоски, которое он испытывал, будучи заживо замурованным в расщелине скалы Тысячи Цзиней.

Вот только теперь всё было иначе. Ли Наньюань действительно вознамерилась оборвать его жизнь. Пускай он уже однажды погиб.

Проведя столько лет бок о бок с нежитью и мертвецами, он прекрасно понимал её мотивы. Мертвых не вернуть. Большинство тех, кто пытался обойти законы мироздания, создавали лишь кроважанных марионеток и безмозглых зомби. Немногие уцелевшие, хоть и выглядели совсем как живые, на деле оказывались злыми духами, которые просто примерили чужую плоть и скопировали воспоминания прежнего владельца, искусно притворяясь людьми.

Запретные техники называют запретными не из-за их порочности. Просто они даруют ложную надежду на чудо вроде воскрешения, умалчивая о том, что шанс на успех ничтожно мал. Подобное упрямство неизбежно влечет за собой либо кару небес, либо людское горе.

А значит, в глазах Ли Наньюань Гун Чэнь сейчас был не более чем опасной тварью, восставшей из могилы. Отрепьем, подлежащим немедленному истреблению.

Он понимал её логику. И всё же... Когда Ли Наньюань ласково коснулась его макушки и тихо произнесла: "Подрос", — он глупо поверил, что она по-прежнему видит в нем Гун Чэня. Своего ученика.

Оказалось, нет.

Она видела в нем лишь порождение бездны, которое можно обмануть и прикончить без малейших колебаний.

— Поначалу я не хотела марать руки, — ровным голосом произнесла Ли Наньюань. — Каким бы суровым ни было мое сердце, мне всё же нелегко собственноручно рубить на куски того, кого я когда-то обучала.

Она твердила о жалости, но в её ладони уже покоился обнаженный сияющий клинок. Вокруг него в мгновение ока соткалось бесчисленное множество лазурных лезвий духовной энергии, заполнивших всё пространство зала.

Лицо Гун Чэня посуровело. Первым делом он наложил запечатывающее заклинание на нефритовый кулон у себя на поясе. Тот забился в неистовстве, из него донесся истошный мысленный крик:

"Господин Гун! Выпустите меня!"

Проигнорировав призыв, Гун Чэнь сорвал украшение и попытался вложить его в руку Сюй Цыаню. Но тот резко оттолкнул его ладонь и, опираясь на верный клинок, медленно поднялся на ноги.

Одна за другой перед ними начали загораться фиолетовые вспышки. Десяток призрачных лезвий выстроился живой стеной, заслоняя Гун Чэня от бушующего моря лазурных мечей наставницы.

— Пытаешься остановить меня тем, чему я сама тебя научила? — Ли Наньюань снисходительно улынулась. — До чего же глупое упрямство. Полагаешь, я не смогу обойти твою защиту? Мой клинок лишит его жизни так быстро, что на тебе не останется ни царапины.

Сюй Цыань верил ей. Разумеется, верил. Он с самого начала не питал иллюзий и не собирался тягаться силами с великим мастером.

Поэтому в следующее мгновение он развернул все свои фиолетовые клинки острием к собственной груди.

Ли Наньюань надолго замолчала, а затем холодно спросила:

— И как долго ты намерен разыгрывать эту драму? Если бы на моем месте оказался кто-то другой, как бы ты защищал его тогда?

— Отдал бы жизнь за жизнь, — глухо отозвался Сюй Цыань. — Поил бы его собственной кровью. Стал бы демоном, если потребуется. Способ всегда найдется.

Ли Наньюань рассмеялась от ярости.

— Хорошо! Хорошо! Очень хорошо! — С каждым словом её гнев разгорался всё сильнее.

Она резко сжала пальцы в кулак, и фиолетовые клинки вокруг Сюй Цыаня рассыпались невесомой пылью.

— Но откуда тебе знать, что ты защищаешь не порочную тварь? — ледяным тоном спросила она. — Этот монстр украл его облик, его повадки, его память! Он водит тебя за нос, играет твоими чувствами, а в один прекрасный день просто перережет тебе горло! Как ты можешь быть настолько слеп?!

— Если коварная ложь и жажда крови — удел чудовищ... тогда чем вы сейчас отличаетесь от них? — негромко спросил Сюй Цыань. — Ведь вы только что точно так же... обманули его и попытались убить.

Он попытался вновь призвать свое оружие, но едва заметные, дрожащие фиолетовые контуры тут же растаяли под давлением чужой воли.

Сюй Цыань прикрыл глаза и раздельно, веско произнес:

— Матушка, неужели вы ни разу не задумались... А что, если он — это действительно он? Ваш ученик, а не злобный дух? Представляете, как ему больно слышать ваши слова?

У Гун Чэня защемило в носу. В глазах предательски помутилось, очертания стоящего перед ним Сюй Цыаня расплылись.

Но удивительное дело — невидимые гранитные плиты, годами давившие на его плечи, вдруг бесследно исчезли. словно эти две негромкие, простые фразы шисюна унесли их прочь, как сухую листву.

— А то, что тыставляешь собственную мать злодейкой, меня, по-твоему, не ранит? — Ли Наньюань слегка прищурилась. — Я даровала тебе жизнь. Разве ты не должен беспрекословно принимать мою сторону?

Сюй Цыань замешкался на мгновение, а затем тихо, опустив взгляд, пробормотал:

— Простите... Но у вас ведь уже есть отец...

— Вздор! Нашли что сравнивать! Разве наши с твоим отцом узы и то, что связывает вас двоих — одно и то же?!

— Почему же... — Сюй Цыань бросил на нее упрямый взгляд. — Разница лишь в том, что у нас еще не было брачной ночи.

— ... — Ли Наньюань лишь молча уставилась на него.

Ей больше не хотелось тратить слова. Взмахом руки она привела в действие смертоносный строй мечей.

Сюй Цыань, не раздумывая ни секунды, рванулся вперед и схватил Гун Чэня за руку, собираясь заслонить его собой. Однако Гун Чэнь оказался быстрее — одним точным движением он наложил на него парализующее заклинание.

Сюй Цыань оцепенел. Его расширившиеся от ужаса зрачки были прикованы к лицу шиди.

Гун Чэнь виновато опустил голову, словно напроказивший ребенок. Он крепко сжал пальцы Сюй Цыаня и нежно прижал их к своим губам. Рядом с этим поцелуем на тыльную сторону ладони упала одинокая холодная слеза.

И в то же мгновение лазурный вихрь клинков обрушился на них сбоку. Словно всепоглощающий поток, он хлынул вперед, затапливая всё вокруг и скрывая фигуру Гун Чэня из виду.

Сквозь пальцы Сюй Цыаня прошел леденящий душу холод духовной энергии. Острые лезвия не причинили ему вреда, но тот, кто мгновение назад так бережно держал его за руку, теперь исчез в багровой пелене.

Сюй Цыань судорожно зажмурился.

Ему не хватало духу открыть глаза.

Увидеть бездыханное тело Гун Чэня.

Он просто не вынесет этого зрелища.

<http://bllate.org/book/20729/2131728>